

Музраева Деляш Николаевна

ОПЫТ СЮЖЕТНОГО АНАЛИЗА БУДДИЙСКОГО СОЧИНЕНИЯ "МОРЕ ПРИТЧ" (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ ПЕРЕВОДА ТУГМЮД-ГАВДЖИ)

В статье представлены некоторые выводы, сделанные на основе сюжетного анализа известного буддийского сочинения "Море притч", которое было переведено с тибетского языка на ойратский калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджевым) (1887-1980) в 1960-е гг. Этот памятник является собранием разрозненных легенд, преданий и притч, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй. Автор выделяет микро- и макросюжеты и иллюстрирует их примерами из текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

TRADITIONAL FORMULAS OF THE KALMYK HEROIC TALE AND HEROIC EPOS "DZHANGAR"

Mandzhieva Bairta Barbaevna, Ph. D. in Philology
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
mbbairta@yandex.ru

The article examines traditional formulas of the Kalmyk heroic tale and heroic epos "Dzhangar". According to their composition the author classifies them into the initial, medial and final. Studying the common stable scheme arrangement models allows identifying national specifics of folkloric pieces. The textological analysis allows the author to conclude that the initial, medial and final formulas have their own specific functions in story development.

Key words and phrases: Kalmyk folklore; heroic tale; "Dzhangar" epos; traditional formulas; character; personage.

УДК 821.512.36

В статье представлены некоторые выводы, сделанные на основе сюжетного анализа известного буддийского сочинения «Море притч», которое было переведено с тибетского языка на ойратский калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджевым) (1887-1980) в 1960-е гг. Этот памятник является собранием разрозненных легенд, преданий и притч, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй. Автор выделяет микро- и макросюжеты и иллюстрирует их примерами из текста.

Ключевые слова и фразы: буддизм; канон; перевод; Тугмюд-гавджи; «Море притч»; сюжеты.

Музраева Деляш Николаевна, к. филол. н., доцент
Калмыцкий научный центр Российской академии наук
deliash@mail.ru

ОПЫТ СЮЖЕТНОГО АНАЛИЗА БУДДИЙСКОГО СОЧИНЕНИЯ «МОРЕ ПРИТЧ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСИ ПЕРЕВОДА ТУГМЮД-ГАВДЖИ)

«Море притч» (*ойр. Oülgurun dalai*) – это название ойратского перевода известной буддийской «Сутры о мудрости и глупости» (*тиб. 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*), который был осуществлен в конце 60-х гг. прошлого столетия калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджевым) (1887-1980). Рукопись перевода, состоящая из 4-х общих тетрадей европейского образца хранится в научном архиве Калмыцкого научного центра РАН [11]. Разнообразные сведения о данной сутре широко представлены в востоковедной литературе: это буддийское каноническое сочинение включено в 27-й том тибетского Ганчжура нартанского издания [2, с. 41, 153], в 102-й том рукописного монгольского Ганджура [7, с. 254-256]. Это произведение, как и многие памятники буддийской литературы, имеет древнеиндийские истоки, хотя санскритский оригинал его утрачен; есть сведения также о китайской версии этого памятника. Существует целый ряд монгольских переводов, авторами которых являются известные переводчики XVII в.: Ширээт-гуши-цорджи, Тойн-гуши, Цултэмлодой и Зая-пандита Намкай Джамцо.

Как и все буддийские сочинения из состава канонических сводов, оно призвано было преподавать читающим, равно как и слушающим (внимающим), основополагающие моменты буддийского учения, по словам классика монголоведения О. М. Ковалевского, «...о способах достижения степени Будды» [8, с. 6]. При этом существование учения о перерождениях – одного из основополагающих в буддизме — в этом образце повествовательной литературы принимается безоговорочно, не подвергается никакому сомнению и предполагается знакомым для читающих. Согласно учению о карме, которое также ярко иллюстрируется в нем, все действия имеют свои последствия, вот почему причину каких-либо негативных и позитивных явлений следует искать в прошлых перерождениях того или иного существа – персонажа повествования.

Относительно литературной формы и структуры этого письменного памятника можно отметить, что уже не один исследователь уделял внимание этому вопросу. Определяя его жанровую характеристику, указывая на его жанровую принадлежность, ученые отмечали, что это не какое-то законченное фабульное повествование о каком-либо одном персонаже (или персонажах). В этом плане оно достаточно однозначно определяется как сборник отдельных глав-историй, составленных по образцу сочинений двух жанров: «джатак» (от *санскр. jātaḥ*) и «авадан» (от *санскр. avadāna*) [10, с. 9-10]. В первых, как правило, главным действующим лицом выступает Будда, во вторых он не принимает непосредственного участия ни в настоящих, ни в прошлых событиях, которые пересказываются для того, чтобы продемонстрировать причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями прошлых перерождений [Там же]. О «джатаках» можно сказать, что они представляют собой яркую иллюстрацию буддийского учения о перерождениях. Одним из образцов таких историй является, по сути, жизнь самого Будды Шакьямуни, отраженная в целом ряде сборников, описывающих его прошлые рождения [1; 3-6].

Нас в данной работе привлекает содержание этого памятника – по сути, собрания, своего рода антологии разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй, включающих в себя две и более отдельные истории (сюжетов, сцен). При этом отдельные сюжетные линии представлены довольно кратко, без детализации.

Первоначально, как пишет известный тибетолог Б. И. Кузнецов, эти легенды и притчи, не имевшие отношения к буддизму, объединились в одно композиционное целое и рассказ в них стал вестись от лица самого Будды: Будда рассказывает в них о своих прошлых перерождениях, которые отстоят от нынешних, описываемых на сотни или тысячи лет [9, с. 26]. Примечательно, что первый рассказ-история выступает своего рода обрамляющим рассказом [10, с. 10].

Разбор сюжетов «Моря притч» представляется целесообразным начать с указания на определенный их круг, о котором писал Б. И. Кузнецов: он отобрал и сопоставил ряд историй, в основе сюжета которых положены истории, сходные с историей принца Сиддхартхи (Гаутамы). Они повествуют о юноше знатного происхождения, который желает отказаться от мирской жизни и стать монахом. Эти истории в определенной степени напоминают историю жизни самого основателя буддизма, когда он еще не помышлял о том, чтобы оставить мир и предаться размышлениям, познавая Учение. Одна из историй рассказана в «Тридцать третьей главе о царевиче Гедуне» (*ойр. хан күбүүин Гедүни бөлөг*). В ней с поразительной точностью повторяются моменты рождения и взросления Гаутамы. Для него также были возведены летний, осенний, зимний и весенний дворцы. Но юноша хотел узнать, какова жизнь вне дворца. Несмотря на усилия родителей, препятствовавших его уходу из дворцовых покоев, царевич повстречал нищих и поговорил с ними, наблюдал за работой тех, кто забивал животных, взглянул на труд землепашцев, охотников и рыбаков – все это пробудило в нем печаль. Его решением было раздать сокровища казны всем бедным и нуждающимся. Когда исчерпались богатства отца, царевич вознамерился добыть драгоценности из океана и в сопровождении пятисот купцов отправился в путь на корабле. После разных перипетий царевичу удалось раздобыть драгоценность «чиндамани», вернуться домой и одарить людей той страны всем, что бы они ни пожелали. Этим царевичем Гедуном когда-то был сам Будда [11, тетр. III, л. 188b-201a].

Другая история из «Главы шестой, о юноше Гангадари» (*ойр. Gangya Dari gidig tenggin күбүүин бөлөг*) представлена в 1-й тетради рукописи перевода Тугмюд-гавджи [Там же, тетр. I, л. 22a-25a]. В этой истории говорится о знатном придворном сановнике, у которого не было детей. Он усиленно молился святыням, и они даровали ему сына. Но когда мальчик подрос, он сообщил своим родителям, что хочет стать монахом. Несмотря на препятствия со стороны родителей, юноша шел к своей цели. Что бы он ни предпринимал (выпивал яд, прыгал с высокой скалы, подвергался наказанию царя Маджары, который стрелял в него из лука, – все это было для того, чтобы прекратить свое существование в этом рождении, с тем чтобы получить другое и иметь возможность стать монахом, практиковать Учение), он неизменно выходил целым и невредимым, повстречался с Буддой и достиг своей цели – сумел спастись из сансары (т.е. мира материального). Причина того, что жизнь юноши Гангадари не прерывалась, заключалась в том, что в прошлом рождении, будучи сановником, он спас жизнь человеку [Там же, л. 24a].

В «Восьмой главе о Сэрийге» (*ойр. Seryigin бүлүг*) повествуется о необыкновенном мальчике, родившемся с двумя золотыми монетами, зажатыми в кулачках [Там же, л. 29a-30b]. Как следует из рассказа, обрадованные родители хотя и забирали эти монеты, [они] не кончались, так что наполнили сундук. Мальчик вырос и явился к Будде с просьбой принять его в монашескую общину и получил одобрение. Всякий раз, когда он молился, в его ладонях оказывалось по золотой монете. Разъясняя, почему так получилось, Будда поведал ученикам, что прежде Сэрийг был бедняком, занимавшимся сбором и продажей хвороста. Как-то получив в обмен за проданный хворост две монеты, он преподнес их Будде и монахам – это и стало причиной того, что в его руках стали появляться золотые монеты, а драгоценности и имущество сделались неисчерпаемыми [Там же, л. 30a].

Упомянем сюжеты, составляющие содержание других историй, с позиций количества сюжетных линий, которые прослеживаются в них, так сказать, их линейности (краткости – пространности, включенности в основное сюжетное повествование). При этом наложение отдельных мотивов (эпизодов, историй) может прослеживаться как в границах одной истории, одного перерождения, равного одной жизни, так и простирается в глубину – в глубину веков (эпох, периодов времени, в буддийском времяисчислении – калп). Можно сказать, что время в этих повествованиях задается как бы по двум осям. Для чего прибегают к такому приему? – Всякий раз, когда перечисляются и описываются события, происходившие в жизни одного определенного персонажа (в отдельных историях с его рождения и до достижения зрелого возраста), но бывает недостаточно представить примеры, иллюстрирующие причину какого-то его поступка и полученного результата, – в таких случаях повествование обращается к далекому прошлому, к прошлым перерождениям, в событиях которых находится причина нынешнего описываемого происшествия. Такой итог, как правило, резюмируется в конце каждой истории и чаще всего вкладывается в уста Будды.

В целом, сюжеты глав можно подразделить на две категории: на микросюжеты (т.е. представляющие собой краткое повествование, краткий односюжетный рассказ с обращением к определенному сюжету из прошлой жизни главного действующего лица) и макросюжеты, т.е. такие, которые отличаются пространностью содержания и включают в себя не одно, а сразу несколько повествований.

В качестве сюжетов первого типа можно привести такие истории, как «Девятая глава о Небесном цветке» (*ойр. Tenggin cecegin бөлөг*), в которой повествуется о чудесном рождении мальчика в семье домовладельца, которое сопровождалось дождем из цветов. Повзрослев, он приготовил скромное угощение, пригласил в свой дом Будду и монахов, разнообразная еда и питье, драгоценные сиденья и подстилки сами появлялись, стоило только ему подумать об этом. Вскоре он с благословения Будды стал монахом. Объяснением всему этому было то, что заслуга от совершения даже небольших подношений велика: в прошлой жизни сын домовладельца, ставший монахом, был бедным человеком, поэтому в качестве подношения преподнес монахам цветы [Там же, л. 30b-32b].

Другим таким рассказом является «Десятая глава о Небесной драгоценности» (*ойр. Tenggin erdenin бөлөг*). В ней в семье домовладельца на свет появился мальчик, при рождении которого «с неба пролился

дождь из семи видов драгоценностей и наполнил дом» [Там же, л. 32b]. Когда он подрос, то Будда даровал ему разрешение стать монахом. И все это благодаря тому, что в прошлой своей жизни, будучи бедняком, у которого не было ни имущества, ни предметов для подаяний, сделал подношение монахам пригоршней белых камней. Поскольку сделано это было из чистых помыслов и с верой, добродетель его стала неизмеримой до скончания калпы (периода времени) и в последующем в его жизни драгоценности, еда и одежда появлялись сами собой [Там же, л. 32b-33b].

Можно также упомянуть историю, представленную в «Восемнадцатой главе о бедной женщине, преподнесшей [в дар] ткань» (*oṅp. Oügetēi emē bās orgoson bōlōq*). В ней женщина, сделав подношение Будде единственным куском материи, в последующие жизни получала рождения в достатке и не знала нужды. Именно в силу этого своего поступка она возродилась в облике прекрасной девочки в семье домовладельца, которую назвали Цаган эмэ («Белая») и которая в дальнейшем, получив благословение самого Будды, стала монахиней и сумела достичь состояния архатства [Там же, тетр. II, л. 101b-104b].

Но не всегда истории из прошлого, в которых заключаются разгадки некоторых более поздних событий, сводятся к историям с позитивным началом. Так, из «Седьмой главы о дочери царя Салджалина – Дорджи» (*oṅp. Xān Saljalīn okon Dorjīn būloq*) мы узнаем об уродливой девушке, которая, к несчастью, была рождена в царской семье, но росла во внутренних покоях дворца, скрытая от всех. Когда пришло время отдавать царевну замуж, подобрали жениха – человека хотя и высокого происхождения, но обедневшего. Так он стал сановником, но все время должен был скрывать жену в высоком семизэтажном доме. Это не ускользнуло от внимания других сановников. Все стали гадать: либо его жена очень хороша собой, либо она очень некрасива. Тем временем молодая женщина искренне вознесла свои мольбы к Будде, тот, поняв, что помыслы девушки чисты, явился перед ней воочию, так что, возрадовавшись, она превратилась в красавицу. Причиной того, что она появилась на свет с некрасивой внешностью, было то, что в прошлой жизни, будучи дочерью домовладельца, насмеялась над святым Пратьекабуддой с неприятной внешностью и грубой кожей. Когда же она раскаялась и загладила свою вину перед ним, обрела прекрасную внешность [Там же, тетр. I, л. 25a-29a].

Другой, не менее важный вопрос заключается в том, что общего и в чем отличие историй-джатак с теми версиями повествований, которые представлены в канонических сводах и в составе отдельных сборников, как сборник «Море притч»? Вспомним сюжет о царевиче по имени Сэмчэн-Джингбэ, пожертвовавшем себя тигрице с маленькими тигрятами. Согласно рукописи перевода Тугмюд-гавджи, это «Вторая глава о том, как Сэмчэн-Джингбэ пожертвовал свое тело тигрице» (*oṅp. Semčān Jingbe: emē barstū biyen ögūson būloq*) [Там же, л. 11b-15b]. Если в предыдущих главах в их названиях указывались персонажи настоящего повествования, а не их прошлых рождений, то в этой истории царевич Сэмчэн-Джингбэ – это персонаж истории, имевшей место в давние времена, бесчисленное количество калп назад. Его история приводится в качестве объяснения изначального рассказа о женщине и двух ее сыновьях, промышлявших воровством, являющегося зачином следующего. Благодаря милосердию Будды эти трое остались живы. Будда поведал в качестве иллюстрации причины этого историю о царевиче Сэмчэн-Джингбэ и его семье – царе Шиндэй Джимбэ и двух старших братьях. Однажды на прогулке в лесу они заметили тигрицу, недавно родившую двух тигрят. Она настолько была измождена голодом и жаждой, что готова была съесть своих детенышей. Царевичу, проникнувшемуся мыслью о том, что он очень давно пребывает в этой сансаре, если и доводилось утрачивать свое тело, то это бывало в силу привязанностей, из-за гнева либо в силу невежества. И ни разу он не жертвовал собой ради Учения (дхармы), ради добродетели. Подумал так и отдал себя на съедение тигрице. Он возродился в небесах, в райской области Тушита, и стал оттуда утешать своих родителей. Как следует из слов Будды, поведавшего эту историю, этим царевичем Сэмчэн-Джингбэ был именно он [Там же, л. 12b-13a].

Сюжет о том, как Будда пожертвовал себя тигрице, представлен в сборнике «Гирлянда джатак» Арья Шуры [1]. Так, в «Джатаке о тигрице» повествуется о том, как Будда, будучи бодхисаттвой, совершал прогулку среди горных пещер в сопровождении ученика, увидел тигрицу, пришедшую в полное изнеможение и смотревшую на своих детенышей как на жертву [Там же, с. 30]. Отослав ученика, бодхисаттва бросается вниз и так приносит себя в жертву тигрице. Джатака завершается словами о бодхисаттве-спасителе, преисполненном любви и сострадания ко всему живому [Там же, с. 33-34]. Как видим, сюжетный архетип о жертвовании себя тигрице представлен с различным содержательным наполнением, что требует отдельного изучения.

Таким образом, затронутая нами тема свидетельствует о мастерстве средневековых литераторов, в разные периоды времени обращавшихся к источникам отдельных глав «Сутры о мудрости и глупости» и сумевших из моря самых разнообразных историй и сюжетов собрать единый тематический сборник, выкристаллизовать в нем основные идейные мысли буддийской философской и этической доктрины. В сборнике «Море притч», состоящем из разрозненных рассказов, разноплановых и разносюжетных, проводится одна важная мысль, главная буддийская мудрость – напоминание о законе кармы, который требует вести праведный образ жизни, не нарушая заповедей и предписаний. Это своего рода энциклопедия, учебник жизни.

Анализ сюжетов буддийского сочинения «Море притч», представленных в рукописи перевода калмыцкого ламы Тугмюд-гавджи, открывает интереснейший материал для изучения сюжетики буддийских повествовательных сочинений, включенных в канонический свод.

Список литературы

1. **Арья Шура.** Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой; предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 367 с.
2. **Болсохоева Н. Д., Ванчикова Ц. П., Дашиев Д. Б. и др.** Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 199 с.

3. Будда. Истории прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Око, 2001. 544 с.
4. Джатаки: Избранные рассказы о прошлых жизнях Будды / пер. с пали А. Парибка и В. Эрмана. СПб.: МЭОО «Возрождение» – Культурный центр «Уддияна», 2003. 416 с.
5. Джатаки: Из первой книги «Джатак» / пер. с пали Б. Захарьина; стихи в пер. А. Голембы. М.: Художественная литература, 1979. 351 с.
6. Джатаки, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. Баранникова и О. Волковой. СПб.: Из-во Чернышева, 1993. 192 с.
7. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслитерация и указатели З. К. Касьяненко. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993. 380 с.
8. Ковалевский О. М. Содержание монгольской книги, под заглавием «Море притч» (Улиггэрун далай: Üliḡer-ün dalai), изложенное О. Ковалевским. Казань: Университетская типография, 1834 (Перепечатано из «Ученых записок Казанского университета»). 52 с.
9. Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.
10. Сутра о мудрости и глупости (Данлундо) / пер. с тиб., введ. и комм. Ю. М. Парфионовича. Изд-е 2-е. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 320 с.
11. Oülgurun dalai («Море притч») / Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф–8 (Фонд редких рукописей). Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетр. I-IV. 289 л.

Список сокращений

Л. – лист, ойр. – ойратский, санскр. – санскритский, тиб. – тибетский.

**NARRATIVE ANALYSIS EXPERIENCE OF THE BUDDHIST WRITING “THE SEA OF PARABLES”
(BY THE MATERIAL OF THE MANUSCRIPT OF TUGMYUD-GAVDZHI’S TRANSLATION)**

Muzraeva Delyash Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
deliash@mail.ru

The article presents some conclusions based on the plot analysis of the known Buddhist work “The Sea of Parables” which was translated from the Tibetan language to Oirat by the Kalmyk Buddhist priest Tugmyud-gavdzhi (O. M. Dordzhiev) (1887-1980) in the 1960s. This monument is a collection of disparate legends, tales and parables, consisting of both a single story and longer chapters-stories. The author distinguishes micro- and macro-plots and illustrates them with examples from the text.

Key words and phrases: Buddhism; canon; translation; Tugmyud-gavdzhi; “The Sea of Parables”; plots.

УДК 398.8

В статье представлен опыт изучения цикла текстов песен как средства фольклорной коммуникации, поющих от имени национального героя якутского народа. Такой подход к материалу позволил выявить историческое развитие «авторских» песен Манчары. Определено, что песни Манчары возникли как спонтанное первичное речевое образование, сохранились как цитата в рамках народных преданий и, став традиционными песнями, начинали видоизменяться.

Ключевые слова и фразы: якутские народные песни; ырыа; персонажи; национальный герой; речевой жанр; структурно-семантический анализ; прагматика фольклора.

Мухоплева Светлана Дмитриевна, к. филол. н., доцент
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Muhopleva@mail.ru

**ПЕРСОНАЖИ И КОНТЕКСТ ПЕСЕН-ЫРЫА МАНЧАРЫ
В АСПЕКТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Национальный герой якутского народа, выступивший против гнёта местных феодалов в первой половине XIX в., «благородный разбойник» Манчары (1805-1870 гг.) является одним из самых известных личностей Якутии в продолжение трех столетий, начиная с бесписьменного периода жизни народа до века высоких компьютерных технологий. Он – герой цикла исторических преданий, сбор и запись которых началась еще в 1880 г. и продолжается до настоящего времени [12; 15, с. 5-12]. Образ Манчары раскрывался в дореволюционной русской, якутской и советской литературах [7; 15, с. 13-28], продолжает освещаться в постсоветской якутской литературе [2], его бурная жизнь стал объектом исторических исследований [15, с. 29-33]. Память о нем в настоящее время продолжает увековечиваться в спектаклях, музыкальных произведениях и художественных фильмах. 200-летие со дня рождения легендарной исторической личности, борца против социальной несправедливости Манчары Василия, в 2005 г. широко отмечалось общественностью. На научно-практической конференции, посвященной этой